

Предварительные замечания перед чтением:

“Кю:дзицу” из двух иероглифов (“отдыхать” + “день”) – “выходные”.

“Мати” – “улица”.

“Ти сяцу”, “дзи:ндзу”, “сэ:та:”, “сука:то” – Вы можете узнать в них (не без труда) позаимствованные из английского “футболку”, “джинсы”, “свитер” и “юбку”.

“Омоиомои” – образное выражение “как кому нравится”.

“Афарэру” – “быть наполненным, переполняться”.

“Гайкоку” – столь знакомое нам выражение “зарубежная страна”.

“Амари” – “слишком” при отрицании, превращающееся в “не слишком” (“слишком не отличается” = “не слишком отличается”).

“...масэн” при глаголе указывает на отрицание значения этого глагола.

“Кю:дзицу но мати ни ва, ти сяцу ни дзи:ндзу, сэ:та: ни сука:то то итта омоиомои но фукусю: га афарэ, гайкоку но мати дэ миру ко:кэй то амари каваримассэн”.

Тут уж нам точно никакой сыщик с его лингвистическими талантами не нужен: “В воскресные дни улицы переполнены одетыми в футболки, джинсы, свитера и юбки людьми, на улицах любой страны Вы увидите картину, не слишком отличающуюся от этой”.

Над предпоследним абзацем придется вновь изрядно потрудиться, в нем я нашел 15 кандзи из числа не встречавшихся ранее, а затем изъяс из анализа 9 из них вместе с заключительной фразой, которая попросту убийственна для неокрепших японистов, коими мы с Вами являемся (следовательно, трудиться мы будем неизрядно).

Первый кандзи после некоторых раздумий вызвал у меня легкое “впадение в детство” – “рот”, “платок” и волшебная “школьная крыша” напомнили мне первую учительницу и бесконечную (как тогда казалось) цепь самых обычных дней в классе.

Значение этого кандзи **“обычный, ординарный”**. Читается он “ДЗЁ:/цунэ”, а в сочетании с “днем, солнцем” – “нитидзё” (“ежедневный”). Добавление еще двух кандзи, которыми Вас невозможно напугать, приводит к сочетанию “нитидзё сэйкацу дэ”, успешно понимаемому нами, как “В каждодневной рутинной жизни...” или просто “В обычной жизни...” Можете по вкусу использовать другие прилагательные – “стандартный, монотонный” или что-нибудь еще тоскливое.

Следующий кандзи намного веселее, но он является “бонусом” к последующему – **“публичное учреждение, суд”**.

К “движению” предлагаю добавить “язык” (“рот” закрыт, но “язык” снаружи). “Движение языков” очень образно, как мне кажется, воспроизводит картину любого общественного учреждения. Чтение у кандзи единственное – “ТЭЙ”.

Если к предыдущему кандзи добавить часто встречавшееся нам изображение “землянки”, то получится весьма парадоксальный **“сад”**.

Разнообразные попытки притянуть “за уши” накрытое крышей публичное учреждение к садовому определению не приносили успеха (варианты “Эрмитажей” и древнегреческих Академий не приносили никакого удовлетворения), и если бы не подруга птичка, то пришлось бы признать поражение. Однако бесхвостая красавица предложила вариант: “Движение языков под крышей – это пение певчей птицы в скворечнике. А где еще устанавливают скворечник, как не в саду?” С логикой здесь не слишком, но для недолгого кодирования этот вариант, возможно, подойдет. Если Вы найдете нечто более убедительное, чем “скворечник в саду”, то упоминание в следующем издании Вам гарантировано.

Чтение по “ону” не изменилось – “ТЭЙ”, но к нему добавился опять-таки парадоксальный для знатока русской словесности “кун”, звучащий как “нива”.

В совокупности с “домом” (“свинья” под “крышей”) образуется тот же “дом” (расширим его понятие до “домашнего очага”) – “катэй”.

常

廷

庭

“Гоку” означает “очень, весьма”.

“Сёсу:” — “десятичная дробь” (“мало” + “считать”).

“Фуданги” — “домашняя одежда” (раньше писалось тремя иероглифами).

“Хотондо” — “едва ли не...”

“Мирарэ” — ясно, что это страдательное “быть видимым”.

“Накунару” — “кончиться”, или “потеряться”, или даже “скончаться”.

“Нитидзё:сэйкацу дэ ва вафуку сугата ва гоку сёсу: то нару, катэй дэ киру фуданги ни мо вафуку ва хотондо мирарэ накунаримасита” — “В повседневной жизни японский стиль одежды встречается крайне редко, в качестве домашней одежды Вы также едва ли увидите кимоно”.

Во второй фразе трудным представляется только сочетание из четырех иероглифов, три из которых ранее нам не встречались.

“Начало”, “пульс” и “крышка” — “начало сильного сердцебиения при наложении сверху чего-то”. Представьте ситуацию — Вас выдвинули на царство; при этом обязательной является церемония коронования. Понятно, что во время коронования на Вас возложат корону. Вот мы и добрались до требуемого значения, которое Вам припомнится при каждом взгляде на этот кандзи — **“корона”**. В обычной жизни кроме коронований в жизни любого человека происходят события, при которых на него возлагают “корону”. Синоним этого слова — **“венец”**, значит, венчание — это также событие, на которое может указывать новый иероглиф. Далее, события могут сопровождаться не буквальным “физическим” возложением короны, а церемонией виртуального характера — “короли” футбола или шахмат не ждали получения главной королевской регалии, их вполне удовлетворяли медали или лавровые венки. Чтения кандзи — “КАН/каммури”, вот и все, каммури Вам на голову!

冠

Следующий кандзи очень печален, Вы без труда распознаете в его образе “смерть” и “растения” сверху и снизу.

“Смерть сопровождается цветами”, “забытые могилы зарастают травой” — такие размышления приведут нас к значениям **“хоронить”** и **“предавать забвению”**.

Познакомимся с чтениями “СО:/хо:му(ру) и больше не будем о грустном.

葬

Последний по порядку в данной группе иероглиф — **“фестиваль”**. Как же нас с Вами бросает — то вверх, то вниз — автор текста, вероятно, летает без хвоста, как и наша дорогая подружка.

Если мы вспомним о баталиях “мясников” с “лунатиками”, то данный иероглиф можно смело причислить к “мясным”. Его историческое прошлое наверняка связано с принесением жертв во время различных празднеств — “рука” готовится возложить “мясо” на жертвенный “треножник”, из этого следует еще одно значение — **“обожествлять”**. Чтения — “САЙ/мацу(ри), мацу(ру)”. Если Вы немного говорите по-японски, то “кунные” чтения наверняка уже у Вас на слуху.

祭

Второй в данной группе иероглиф “свадьба, выходить замуж” не должен был выветриться из Вашей памяти, а если возникли затруднения с его припоминанием, загляните в начало предыдущей главы.

Пришло время группового портрета, вполне достойного занять подобающее место на виртуальных стенах Вашей “онной галереи” — “могучая кучка” под названием “КАН-КОНСО:САЙ” играет важнейшую роль в жизни каждого человека, поскольку ее значение “Наиболее памятные события в жизни”. Разместите это “полотно” напротив основателя галереи Тюохина и возвращайтесь иногда мысленно к своим приобретениям, они того стоят.

Последний кандзи данной фразы – **“место для сидения, помещение”** (“СЭКИ”). “Землянка”, декорированная “растениями” и “тканями”, – место, где стоит посидеть.

“Сорэдэмо” – “однако”.

“Надо” – “и так далее, и тому подобное”.

“Аратамару” – “реформировать, изменять” (кандзи “самокоррекция”).

“Микакэру” – “увидеть, встретить, заметить”.

“Сорэдэмо, канконсо:сай надо но аратаматта сэки дэ ва вафуку сугата о микакэ-мас” – “Однако в обновленных залах, при праздновании наиболее важных событий и проведении различных церемоний, Вы встретите людей в национальных одеждах”.

Следующую фразу, как мы уже договорились, я позволю себе пропустить, поскольку она весьма и весьма специфична, включает в себя несколько кандзи, которые выходят за пределы знаний многих японцев. Для того чтобы лучше понять мотивы моего поступка, представьте, что мы с Вами подготовили текст о русской одежде для начинающих изучение нашего языка японцев и включили в него столь звучные термины, как “кика”, “охабень”, “зипун армячного покроя” или простенький “нагольный полушубок”. Для самых упорных и принципиальных в послесловии будет указан адрес сайта, на котором они найдут перевод и чтение несправедливо “зацензурированного” предложения.

Последние семь кандзи последнего абзаца последнего текста в нашей книге (он же и единственный, не считая сказки “Момотаро”).

Начнем, как это уже часто случалось, с “бонуса” (иероглифа, отсутствующего в тексте, но входящего в конструкцию другого, наличествующего кандзи).

Значения у данного кандзи крайне неконкретны – **“сразу же”** и **“а именно”** (“СОКУ”), но и встречается он достаточно редко, поэтому не переживайте, если он сразу же не отложится в кладовые Вашей памяти.

Мы видим перед собой сидящую фигурку, напоминающую нам о “еде”, и вторую “согнувшуюся” фигурку. Представим восточного едока над чашкой с какой-нибудь лапшой – как только он приступает к еде, сразу же наклоняется к своей посудине, человек ест, а именно, он склонился над пиалой.

Как говорил в свое время Жванецкий: “Пока еще неубедительно звучит: “Мне срочно в Париж, по делу!” Не очень убедительно, я согласен, но ведь сколько безоговорочных побед мы уже одержали на “профессиональных рингах” Кандзиландии, сколько раз наша память неожиданными финтами “укладывала” на помост ужасающих противников, к которым, казалось, невозможно подступиться. Впрочем, ни один из “боев” нельзя считать проигранным, рано или поздно кто-то из Вас воскликнет “Эврика!” и пришлет неожиданную ассоциацию, которая появится в следующем издании. А по большому счету это и не обязательно, к тому времени все эти ассоциации превратятся в милые, но бесполезные бессмыслицы, поскольку Ваша виртуальная “клавиатура” из нескольких тысяч знаков будет работать так, будто Вы впитали ее с молоком матери...

Перед нами – кандзи, имеющий множество значений, – **“сезон, время”, “параграф”, а также “стык, узел”**. Я бы закодировал его как “а именно бамбук Холмса” с привязкой к “многоколенности” этого растения. Все понятия, приведенные выше, основаны именно на этом свойстве – “разделяться” и “состыковываться”. Именно этот знак я бы выбрал для нашего дорогого Шерлока в качестве герба, если ему присвоит когда-нибудь почетный дворянский титул. После недолгих раздумий Вы обнаружите в иероглифе и индукцию, и дедукцию, а кроме того запомните его чтения “СЭЦУ/фуси”, однако если поместить слово из нашего текста “кисэцу” (“сезон” + “сезон”, усиливающие значение “времени года” также, как это наблюдалось в случае “одежда + одежда”) в нашу “онную галерею” под условным названием “работа неизвестного мастера Левитана-Шишкина”, то Вы очень быстро усвоите значение обоих кандзи, представляющих по отдельности некоторые затруднения.

Следующий кандзи относится к разряду “великолепных”. Наша птичка, увидев его в тексте, беспокойно заматалась в разные стороны, громко призывая последовать за ней. Сочетание элемента “то же самое” (“один” “рот” “внутри”) и “копья”, помещенное над “сердцем”, создают еще один кандзи со значением “**чувство, ощущение, впечатление**”, а великолепие этого кандзи – в его сочетаниях с другими иероглифами. Впрочем, судите сами, если доверяетесь нашей птичке...

Чтение у него самое распространенное – “КАН” (Последний из “канканов”, бесчисленность которых впервые подметила Эллочка).

А теперь замрите...

感心 五感 第六感

“Кансин” – “восхищение”, от которого мы замерли.

“Гокан” – пять чувств, дарованные нам природой.

“Шестое чувство”. Пусть оно само подскажет Вам правильное звучание.

“Ёкан” – “предчувствие”.

Канка – “исправление нравов”.

予感 感化

Да и в тексте сочетание “кисэцу кан” содержит такой заряд романтизма, что хочется зарыдать светлыми слезами над такими пронзительными ощущениями людей, живших задолго до нас с Вами.

Следующий иероглиф достаточно уверенно можно связать с нашей книгой в ее “макро” смысле – стоят двое “взрослых” “день” за днем и обмениваются мыслями, идеями, переделывая, заменяя, одним словом, “полируя” то, что их заставляет находиться рядом.

Итак, пусть этот кандзи при встрече напоминает Вам об этой книге до тех пор, пока значения “**обмениваться, переделывать**” не начнут со скоростью курьерского поезда мелькать на Вашем виртуальном мониторе. Чтения у нового кандзи – “ТАЙ/ка(эру)”, кстати, обратите внимание на то, что в сочетании с ним хорошо знакомая нам “одежда” вопреки всем законам читается по “куну” (хотя перед этим даже в отдельности читалась по “ону”) – “кормоказ”. Непроизвольно выплыл из памяти образчик “черного юмора”: “Сегодня в лагере смена белья, первый барак меняется с третьим, второй – с четвертым”.

А вот и самый последний “кан” (настраиваюсь на скорое прощание с Вами).

“Сердце”, “мать” и “раковина” – “Материнское сердце приучено раскрываться на встречу всем бедам и радостям”. Вот такое ощущение возникает при виде этого кандзи, означающего “**быть приученным**”. (“КАН/на(рэру)”). В тексте этот иероглиф вместе с хорошо знакомым “учиться” образует философский термин “обычай, привычка” (“сю:кан”) – “обученный быть приученным”.

Последний кандзи в нашей фразе.

“Нить” в “будущее” “под прямым углом” – очень образно для слова “**унаследовать**”. “Правильное будущее” невозможно без “связи” с прошлым. Не так давно часть человечества в очередной раз спела “отречемся от старого мира” и расплатилась за это “революционное наследство” беспамятством потомков. (Кстати, по телевизору опять громко кричат про “новые революционные прокладки” в промежутке рассказа о талантливом старом актере).

感

替

慣

継

В сочетании с “шестикрылым серафимом” (если Вы припомнили появившееся в конце 15-й главы перед нашим воспаленным взором из вод это порождение классика — “слушать, соглашаться”) получим “наследовать и соглашаться”, то есть “вступать во владение” — “кэйсё:”. Слово звучит так, поскольку кандзи читается как “КЭЙ/цу(ги), цу(гу)”.

“Вступая в наследие” и “будучи приученными” к нашему способу знакомства с текстами, поищем возможные “подводные камни” предпоследней фразы.

“Имая” не требует усилий — это “теперь, в настоящее время”.

“Ториюру” — “входить, беря (за ушко)” означает вполне логично “вкрадываться в доверие” (это про меня — уж я ториюру, ториюру, талдыча Вам всякие байки про Кандзи-ландию).

“Соно мама” — это японцы не маму зовут, а говорят “так, как оно есть, в том же положении”.

“Имая, хотондо но нихондзин но фукусю: ва вафуку кара ё:фуку ни каваримасита га, ифуку ни кисэцу кан о ториюрэ, коромоказ о сую:кан ва соно мама ё:фуку ни мо кэйсё: сарэтэ имас” — “И теперь почти каждый японец, хотя и перешел в своём стиле одежды с восточного на европейский, даже в европейской одежде сохраняет обычай, унаследованный (от предков) — при сезонной смене одежды доверяться ощущениям, связанным со сменой времен года”. Вот так, навскидку, но уже поэтично; а ведь Вам еще полировать и полировать этот текст.

Предпоследний кандзи — “**культивировать**” — очень просто запомнить либо как “копать, пока земля колом не встанет в глотке”, либо как “стоять перед плодами земли, раскрыв рот в восхищении”. Обе ситуации описывают различные стадии работы с землей на собственном дачном участке — начальную и конечную.

Читается кандзи — “БАЙ/цутика(у)”.

Последний кандзи вполне согласуется со всем текстом и со всем материалом данной книги — “**помнить, понимать**”. “Смотреть” под “школьной крышей” — это не просто “отбивать номер”, а “учиться с пользой для дела”, то есть понимать и запоминать приобретенное тяжким трудом.

Чтение у кандзи знакомо многим — “КАКУ/обо(эру)”. “Понимаю и помню всякую каку и обоэру, которой меня щедро пичкали в школе и на страницах книжек”. Но прежде, чем Вы сможете сказать нечто подобное о только что завершённой главе, заклинаю Вас возвратиться к ее самому началу и уютиться до тех пор, пока, глядя на текст, Вы не начнете воспринимать его как родной и знакомый до ломоты в зубах, от которых каждая фраза не начнет отскакивать стрелой (в соответствии с изображением кандзи “знать”).

Вы сможете легко доказать после этого каждому из встреченных японцев, что он имеет дело с представителем гениальной породы людей, оторвавшихся от телеэкранов (которые становятся странным образом все более и более плоскими), обладающих шестым чувством универсального природного пространства и способных впитывать невероятно быстро мощную энергетику кандзи.

Особых примечаний к последней фразе текста не последует, за исключением “тай суюру” — “быть обращенным на...” (вспомните “тай” — “противоположный” или “цуй” — “пара” в соответствии с борьбой и единством противоположностей).

“Нагай тосицуки но айда ни цутикаварэта ифуку ни тайсую канкаку ва ё:фуку но нака дэ мо икасарэтэ имас” — “Культивируемые в течение долгого времени отношения к одежде оказались унаследованы и по отношению к европейской одежде”.

Итак, полируйте свою привычку к чтению кандзи (не воспринимайте этот призыв сродни популярному высказыванию Паниковского: “Пилите, Шура, пилите!”).

培

覚

XX. 15 „бонусов”, или „А напоследок я скажу...”

В короткой предпоследней главе приведу еще несколько кандзи, запомнить которые легко, а кроме того, необходимо, поскольку встречаются они в текстах весьма часто. Мне очень не хочется расставаться с Вами, дорогие мои читатели, но существует магический предел в 777 знаков, далее которого Вы пойдете сами, в сопровождении собственной птички (я уже, по-моему, упоминал о своей любимой румынской поговорке “Фиекарэ ку пэсэрика луй” – “У каждого своя птичка (в смысле – свои причуды)”). И вовсе не обязательно, что Вы продолжите изучение японского языка; возможно, Вы никогда больше не будете путешествовать по виртуальной стране Кандзиландии, но в любом случае Вам легче будет взглянуть под другим углом на вещи, ранее казавшиеся обыденными...

Однако “короткохвостую птичку” баснями не кормят”, поэтому познакомьтесь с ее выбором, посвященным всем Вам.

Кандзи “РЁ:” – “**два, оба**” был объяснен бесхвостой следующим образом: “Вы, читатель, гениальны (подобно “центральному пику горы” вздымаетесь до “небес”). Однако за это Вы должны быть благодарны другим “двум пикам”, остающимся “внутри дома”, то есть своим родителям. Чаще всего в текстах кандзи “два, оба” встречается в слове “родители” (“рё:син”) – “оба” + “родня” –

両

両親

Иероглиф “ДЗАЙ” означает, с одной стороны, “**талант, способности**”, а с другой – “**материал**”. Сочетание смыслов своеобразное, однако легко объясняется восточной ментальностью “талант – это полуфабрикат, который необходимо обработать для того, чтобы он заиграл всеми своими гранями”. Кстати, если Вы вспомнили кандзи “талант, ...лет от роду”, то “отесанность” в качестве залога развития способностей актуальна не только для половинки, но и для полутора деревьев.

材

木材

“Мокудзай” означает “стройматериалы”.

人材

“Дзиндзай” – “одаренный, талантливый человек”.

Аналог “фестиваля”, но вместо “жертвенного мяса в руке” на алтарь выкладывается “графинчик” (синоним “запада”, откуда и пошло, видимо, “пьянство”). Более образного обозначения понятия “**голос** (на выборах)” я не встречал, странно то, что это древний кандзи – неужели колесо времен в точности повторяет при вращении ситуации и понятия? Чтение кандзи – “ХЁ:”.

票

Добавив изображение “дерева” (“деревянные” или “зелень”), получим “**знак, значок**” (в смысле “знак современной демократической борьбы за власть”), читаемый как тот же “ХЁ:” или “сируси”.

“Хё:го” переводится как “лозунг, девиз, эпитафия” –

標

標語

漂

“ХЁ/тадаё(у)” означает “плыть, дрейфовать”. Свяжите изображение с “дрейфующими” голосами подкупленных избирателей.

Внезапно у меня все поплыло перед глазами — оказалось, птичка клюнула меня прямо в темечко и начала порхать, возмущенно чирикавая. Я понял, что замена поэтического определения “запада” на пошлый “графинчик” совершенно не согласовывалась с представлениями “бесхвостой” о иероглифике. Мы немного поругались, после чего простили друг друга и занялись дальнейшей церемонией прощания с читателями, стартовавшей столь удачно обращением к его талантам и продолженной несколько не по делу моими скользкими намеками.

許

Стоял полдень в тот момент, когда мы извинились друг перед другом и позволили себе продолжить. “Слова, сказанные в полдень” (“КЁ/юру(су), юру(си)”) означают “**прощение, разрешение**”. В сочетании с кандзи “особый” образуется слово “токкё”, или “патент” —

特許

示

Птичка вновь упорхнула в сторону и принесла табличку с кандзи, который мы с Вами пропустили несколько ранее, — бодрое определение “фестиваля” и “голоса избирателя” включало в себя нечто вроде жертвенного столика, на который помещался то кусок мяса, то графинчик (пардон, тлетворное влияние запада в виде чего-то, напомнившего графинчик). Оказалось, что изображение этого “столика” существует само по себе и означает “**обращать внимание на...**” (не забудьте связать его с внимательной птичкой).

Чтения у данного кандзи — “СИ, ДЗИ/симэ(су)”. “Палец” (“полезный для верной руки великого художника Бендера”) в сочетании с “обращением внимания” образует забавное слово “сиси” или, более по-русски, “инструкции, указания”. Если Вы женщина-руководитель, не торопитесь принимать на работу японца, ему как младенцу постоянно будут нужны Ваши “сиси” (добавим эпитет “мудрые сиси” для того, чтобы избежать двусмысленности) —

指示

加

Если Вы все-таки являетесь женщиной-руководителем (или просто руководителем), то полезно будет познакомиться с кандзи “КА/кува(эру), кува(вару)”, звучащим достаточно “кувалдисто” и имеющим значение “**увеличивать, присоединять**”.

Владение “органом ораторского искусства” во многом увеличит Ваши “силы”, даже при дальнейшем изучении японского языка.

卒

А если Вы когда-либо закончите какой-нибудь японский университет, то для Вас очень актуальным станет старый и добрый кандзи “СОЦУ” (“десятки” “человечков” под “прессом”).

Не подумайте, что речь идет о каком-либо сокращении от “социального”, так в древние времена изображали “**солдата**”.

“Соцугё:” (“производство” “солдат”) указывает на то, что речь идет о “выпускниках”, у нас тоже когда-то каждый выпускник гордо называл себя “солдатом Родины”. Все это уже не столь актуально; важнее всего то, что Вы можете к своей цепочке “сэнсэй — гакусэй” добавить слово “соцугё:сэй” —

卒業生

Возвращаясь к первому “бонусному” кандзи данной главы, добавим к нему “траву” и “воду”, после чего образуется кандзи “**полный, совершенный**”, читаемый как “МАН/ми(тасу), ми(тиру)”.

После добавления к данному кандзи “ноги” (“соку”) получим парадоксальное на первый взгляд слово “удовлетворение” с измененным по японским законам звучанием “мандзоку” –

満

満足

Можно, однако, связать это слово со старинным куплетом: “Ваша ножка толста (полна) немножко, но обожаю ее лобзать”.

Вспоминаю те времена, когда наш дорогой Леонид Ильич Брежнев (мир праху его!) каждую встречу с трудовыми коллективами или зарубежными коллегами завершал знаменитым штампом “С чувством глубокого удовлетворения...”.

Поскольку в Кандзиландии руководство отсутствует (пока), позволю себе на минутку надуть щеки и произнести: “Заканчивая нашу встречу, дорогие друзья, я хотел бы с чувством глубочайшего мандзоку отметить тот факт, что она показалась мне успешной”.

Полезный кандзи для руководителя страны (пусть даже и виртуальной) - “**устанавливать**” (“правильно” “под крышами” Кандзиландии).

Чтения данного кандзи – “ТЭЙ, ДЗЁ:/сада(мэру), сада(мару)”, причем мне был симпатичнее активный вариант “садамэру”, а птичка выступила за “садамару” – “уже быть установленным”.

В совокупности со “словами старшего брата” (кандзи “теория”) получим оборот “тэйсэцу”, или “общепринятое мнение” (хорошо подойдет для речи руководителя), или что-то вроде “апробированной теории” –

定

定説

Еще один кандзи – странный, но полезный “наполнитель речи” для вождей “**однако, согласно...**”, читаемый как “ДЗЭН, НЭН”.

“Мясо”, “собака” и “огонь” – данный термин бессмыслен как “жарить мясо для собаки”, но поскольку он относится к речам “небожителей”, то в сочетании с кандзи “сам, свой” (“кончик носа”) или с “небесами” (“большой до небес”) образуются два термина “сидзэн” и “тэннэн”, отражающих слово “природа”, вот как! –

然

自然 天然

А если собаке вместо жареного мяса дать “брусок льда”? Опять же получим полезный кандзи с обтекаемыми значениями “**условие, состояние, обстоятельство**” (“ДЗЁ:”).

Добавив к нему префикс “ГЭН”, означающий “настоящий” (смотрите начало предыдущей главы), получим великолепный оборот для интеллектуальствующих читателей “гендзё:”, или чисто по-русски – “статус кво” –

状

現状

Вот такой у нас с Вами под конец сложился “статус кво”.

忙

Предпоследний кандзи также очень полезен и универсален — это ссылка на ужасную **“занятость”**. Возьмите нашу книгу в руки, надуйте щеки и на любую просьбу близких отвечайте “исогасий дэс”.

Читается кандзи как “БО:/исога(сий)”, а запомнить его очень легко — “сердце” + “гибнуть” указывают на то, что каждый раз, сообщая собеседнику о своей крайней занятости (и, следовательно, невозможности общения), Вы непроизвольно демонстрируете свое “мертвое сердце”.

Перед тем как представить Вам последний кандзи (какой из оставшихся выбрать для этого?), выскажу маленькую идею о возможности прикладного использования “канджей” (как их назвал один из моих корреспондентов в своем письме) — Вы не менее успешно можете использовать их для гаданий (многообразие и возможность широкого толкования значений иероглифов позволит Вам не хуже, чем с картами “таро” или “рунами”, добиться великолепных результатов). Методика может быть разнообразной — по карточкам или просто по книге, попробуйте, и Вы превратитесь в крупного (и обеспеченного) специалиста в данной отрасли “человековедения”. Кстати, в следующей книге мне хотелось бы уделить этому таинственному занятию достаточно места в качестве стимулятора быстрого освоения иероглифов.

迷

Птичка вновь появилась из-за горизонта, неся в клюве карточку с иероглифом, которую она бросила к моим ногам. Кандзи “МЭЙ/маё(у)” — “путь будущего”. Очень интересно, что древние именно таким образом определили понятие **“суеверие, заблуждение”**.

Кстати, не перепутайте этот кандзи с “посылать, направлять”, в котором вместо “будущего” расположен “барьер”. И вообще, поосторожнее с “будущим”, а то оно и “послать” может.

Последняя шутка дорогой подружки умилила меня до слез. Она, как и все другие герои, появлявшиеся в моей голове из таинственных миров воображения, подарили мне (и Вам) столько идей! Моя благодарность им, а также всем написавшим свои замечательные письма по Интернету (на которые не всегда получалось ответить) не имеет границ!

Особая благодарность в наивысшей степени Евгению Викторовичу Маевскому, доктору культурологии, профессору, заведующему кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова! Несмотря на крайнюю занятость, он нашел время на то, чтобы внимательно познакомиться с моей рукописью, высказал массу полезных советов и внес множество бережных исправлений, а также подарил мне отзыв, окончательно убедивший в том, что я не уподобляюсь “ушедшим за горизонт” изобретателям новых теорий образования Вселенной! Его письмо — отзыв, с которым хотелось бы познакомить и Вас, послужило для меня решающим стимулом к завершению книги.

“Японисты хорошо знают, что научиться говорить по-японски, в общем, не труднее (и не легче), чем на любом другом иностранном языке. Но вот письменность...”

Эти тысячи иероглифов, эти непривычные зрительные образы, эта непредсказуемость — один и тот же знак в одном контексте читается так, в другом совсем иначе, и все это вовсе не исключение, скорее правило. Как тут не вспомнить слова британского японоведа Б.Х. Чемберлена, который более столетия назад утверждал, что в Японии применяется “самое сложное и неустановившееся (т.е. нерегулярное) письмо, над которым когда-либо ревмя ревел бедный род людской”. Да ещё цитировал одного “старого иезуита-миссионера”, будто бы сказавшего, что японская письменность — “это очевидное измышление дьяволов для того, чтобы мучить праведников”. Во всяком случае, на сегодняшний день положение дел таково, что если вы решили овладеть японским, то знайте: это не один язык, а два — звуковой и зрительный. И усилия потребуются двойные. Понимать это утверждение следует не метафорически, а совершенно буквально.

Но как же все это усвоить? Как запомнить сотни и тысячи иероглифических знаков? Многие рады бы, да усташатся и отступятся: не под силу, пожалуй. Вот для таких “малодушных” и придумана эта книга. Всех проблем она, конечно, не решает, но кое-кому, без сомнения, поможет обучиться японской грамоте легко и с удовольствием.

Анализировать китайские (они же и японские) иероглифы, возводя их к картинкам-прототипам или разбивая их на составные части, умеют давно — столько, сколько существует иероглифика. Первый иероглифический словарь, в котором все это проделано — “Шовэнь цзецзы”, то есть “Толкование простых знаков и разбор сложных”, — появился еще в I веке нашей эры. Сегодня для тех, кто приступает к практическому изучению китайского или японского языка, накоплены целые библиотеки учебников и справочников, применяющих подобные этимологические (иными словами, основанные на происхождении) методы запоминания. Можно пойти и дальше: максимально использовать любые ассоциативные цепочки, любые сходства, сближения и зацепки — лишь бы отложилось в памяти. В нашей стране известна серия учебных материалов по японскому языку, применяющих метод образных ассоциаций, — они составлены Н.А. Ерофеевой. Эта книга тоже основана на таких принципах, но пользуется ими более широко и — не побоюсь сказать — более весело. При этом без малейшего ущерба для точности и правильности подаваемых сведений.

Автор книги, сам неплохо знающий японский язык, воспользовался при ее написании богатым опытом отечественной, да и зарубежной науки и педагогики, корректно и творчески переработал информацию, содержащуюся в большом количестве учебников и словарей, а главное, не поленился — и сумел! — сделать текст увлекательным. А то, что увлекательно, прочно отпечатывается в сознании.

Попробуйте, приступите к чтению — не пожалеете.

Е.В. Маевский

доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой японской филологии
Института стран Азии и Африки
при МГУ имени М.В. Ломоносова

Величайшая признательность замечательному подвижнику *Антону Ивлеву*, создавшему в далекой Германии замечательный “Кандзи-сайт” на русском языке (<http://jprt.narod.ru>) и первым убедившему меня взяться за издание книги!

Огромное спасибо скромнейшему и трудолюбивейшему *Виталию Загребельному*, позволившему воспользоваться текстом “Японская одежда”, который все жаждущие знаний без труда обнаружат (вместе с другими полезными текстами) на сайте “Страницы Загребельного” (наберите два эти слова в любом “поисковике”).

Благодарю бескорыстного создателя сайта для начинающих японистов *Александра Вурдова* (<http://www.komi.com/japanese>), поддерживавшего меня очень теплым и симпатичным письмом!

Весьма признателен самому преданному читателю *Фариду Еникееву*, подробно описавшему свои впечатления от книги и создавшему для меня персональный сайт!

Самые теплые слова признательности великолепному художнику *Виктору Дунько*, вложившему свои уникальные способности в иллюстрации, благодаря которым книга стала намного доходчивее и симпатичнее!

Благодарю *всех авторов писем*, особенно тех, кто делился со мной своими идеями и стали, по этой причине, моими соавторами!

XXI. А еще хотелось бы...

Написать продолжение книги, в котором собрались бы воедино логические цепочки для всего 2-тысячного минимума иероглифов, появились бы "онная галерея" с рисунками талантливой художника и ее "кунный филиал", а также "Кандзи-досье" в электронном виде с написанием всех кандзи и остальными необходимыми сведениями...

Создать в Москве "Сад иероглифов", прогуливаясь по которому можно было бы незаметно впитывать в себя волшебную энергетику кандзи – ровесников пирамид, сохраняющих вечную молодость...

Выучить самому японский язык (я не позволял себе это для того, чтобы не потерять свежести восприятия мелочей, незаметных для специалиста, но очень важных для новичка)...

Узнать имя мудрого старца, высказывание которого я случайно услышал и не смог найти нигде в книгах: «Ум человеческий как комаришко. А все питает и питает»...

Чтобы через много-много лет еще не родившийся в наши дни читатель случайно открыл книгу давно ушедшего автора, и в его душе незаметно разгорелись бы искорки переполнявших меня порой при написании чувств; и тогда, возможно, удалось бы каким-то чудесным образом понять, что такое бессмертная душа...